

Скворцов Н.Г.: «Социология начала восприниматься в общественном сознании как интересная и полезная наука»

Полтора десятилетия назад в «Телескопе», 2005, №1 было опубликовано первое биографическое интервью в рамках изучения истории советской / российской социологии. Сейчас здесь размещено — 200-е. Тогда моим собеседником был создатель и первый рек-

тор Европейского Университета в Санкт-Петербурге Борис Максимович Фирсов, сейчас — декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного Университета Николай Генрихович Скворцов.

Борис Докторов

— Николай, Вы — человек в нашем профессиональном сообществе известный, и собрать в Интернете базовую информацию о Вашей жизни, исследованиях и характере деятельности — не проблема. Но это не заменяет живого (пусть и через электронную почту) разговора. Начнем с начала... Вы — ленинградец по рождению? Что Вы могли бы рассказать о своей родительской семье? Насколько глубоко Вы знаете ее историю?

— Нет, я родился далеко от Ленинграда, в Сибири, более точно — в городе Кемерово. Правда, в метрике указан Орск Оренбургской области, куда семья переехала через несколько месяцев после моего рождения, но по происхождению я сибиряк. В Кемерово и прошло детство, там же пошел в школу, а в 1967 году мы переехали в Ленинградскую область, город Тихвин. Там строились два крупных завода, на которых работал отец — вначале директором одного из них, а после их объединения — заместителем директора по производству. На этой должности он отработал долгие годы, почти вплоть до выхода на пенсию. По образованию он был металлургом, окончил Сибирский металлургический институт в Новокузнецке. Мама окончила Томский государственный университет, юридический факультет. Она работала юрисконсультантом на различных предприятиях. Она умерла давно — в 1984 году, отец — в 2016-м.

Я, к сожалению, не могу сказать, что глубоко знаю историю своей семьи. И мама, и отец из Сибири. Мама родилась в небольшом городке Кемеровской области, отец — в деревне в Новосибирской области. Но вот своих дедов мне узнать не довелось. Оба были репрессированы в 1937 году по «58-й», посмертно реабилитированы в конце 50-х гг. Эта тема редко обсуждалась в семье, когда я был ребенком. Понятно, что во время учебы в университете и институте родители должны были тщательно скрывать, что их отцы — «враги народа». Как я могу судить по рассказам, оба стали жертвами ложных доносов, хотя никакой политической деятельности, естественно, никогда не занимались: дед по линии отца — Андрей Иванович Скворцов — был крестьянином, работал в колхозе; по линии мамы — Адриан Тайченачев — татарин по происхождению, был бухгалтером. Оба были расстреляны в Сибирском ГУЛАГе, и поэтому, когда думаю о них, всегда приходит на память строчка из В. Высоцкого: «И меня два красивых охранника повезли из Сибири в Сибирь...».

— Нередкое начало... репрессии на уровне дедушек-бабушек, движение из деревни в город — в поколении родителей... много раз бывал в Тихвине, люблю этот город, особенно, ясное дело, его старую часть... как-то зимним днем зашел в музей Римско-Корсакова, тишина, полы скрипят, директор — молодая женщина... она и билеты продает, и печки

топит, хорошо, душевно поговорили... по-моему, там строились производства ленинградского Кировского завода... там работал Ваш отец? Доучивались Вы в Тихвине? Чем запомнились школьные годы? Что интересного? Это еще было время комсомола...

— Да, отец работал именно там — на Тихвинских производствах ПО «Кировский завод». Затем, уже в начале 80-х завод был переименован в «Трансмаш», и, кстати, это предприятие сыграло важную роль в моей жизни, но об этом попозже. Переехав в Тихвин, я пошел в 5-й класс средней школы и окончил ее в 1973 году. Честно сказать, я не отличался успехами в учебе, особенно в части естественных и точных дисциплин. Больше интересовался спортом — футболом, хоккеем — музыкой (даже играл на бас-гитаре в школьном ансамбле). Общественной активности я точно не демонстрировал, поэтому и в комсомол меня приняли только в конце школы. В 8 и 9-м классах в качестве юнкора («юного корреспондента») писал в районную газету на темы школьной жизни, откуда возникла мысль пойти учиться на журфак. Однако потом эту идею оставил, и каким-то странным образом появилось желание по-

ступать на философский факультет. Почему философия? Каких-то чётких представлений о том, что это такое и о чем это, не было. Наверное, прежде всего, привлекала загадочность самого этого слова. Стал почитать философские труды, правда, довольно бессистемно. Постепенно знакомство с диалогами Платона, «Исповедью» Ж.-Ж. Руссо, «Фаустом» Гёте, другими философскими текстами сформировали и укрепили желание посвятить себя «любомудрию». Но на окончательное решение пойти учиться на философский факультет повлияла... социология. Точнее — социолог. В конце весны последнего школьного года я увидел объявление, что в районном Доме культуры с лекцией выступает доктор философских наук, профессор ЛГУ В.Т. Лисовский. Эта была лекция по линии общества «Знания». До этого я никогда не видел и не слышал докторов философии, и, конечно, помчался на лекцию. Лекция, понятно, была посвящена современной (по тем временам) молодежи и произвела на меня большое впечатление. Владимир Тимофеевич (с которым мы впоследствии вместе работали в НИИКСИ, а затем и на факультете социологии) был прекрасным лектором и оратором. Его размашистая манера выступать, яркий язык, оперирование интересными фактами меня заворожили. Я не помню, о чем конкретно говорил Лисовский, но я подумал тогда, что если все философы такие, как этот профессор, то точно пойду учиться на философский.

— **Повезло, Вам, Николай, конечно В.Т. Лисовский был эталонным для данного случая человеком. Он любил свой предмет, любил и умел общаться с молодежью. Но, вообще говоря, для паренька из Тихвина Вы были очень неплохо начитаны, кто-либо направлял Ваше чтение или путем «проб и ошибок»? И так, после окончания школы — сразу на философский факультет или еще поработали?**

— Направлять «философское» чтение было некому: родители были далеки от философии, да и вообще мой выбор их удивлял. Поэтому какой-то системы в знакомстве с философскими текстами не было. Некоторые из книг были слишком сложны для моего понимания, поэтому читал то, что было, как казалось, понятнее.

После окончания школы поехал в Ленинград поступать на философский факультет университета, но всё оказалось достаточно сложным. В то время безусловным преимуществом при поступлении на «идеологический» факультет пользовались члены или кандидаты в члены партии, ребята, отслужившие в армии или имевшие трудовой стаж не менее двух лет, комсомольские активисты и т.п. (впоследствии ввели даже обязательную рекомендацию от райкома или горкома партии для поступающих на философский факультет). У меня кроме школьного аттестата со средней оценкой «4» (эта оценка тоже учитывалась при подсчете баллов) ничего не было. Не прошел, вернулся домой, год поработал лаборантом в той же школе, которую окончил, ну и конечно, усиленно готовился к поступлению на следующий год. Но и тут неудача: для дневного отделения не хватило, кажется, полбалла. Перевел документы на вечернее, куда и был принят. Поскольку я не был ленинградцем и не имел ленинградский прописки, пришлось искать вариант с жильем и пропиской, да еще с такой работой, которая давала «бронь» от службы в армии. Так я попал на славный «Кировский завод», меня приняли слесарем, и жил в рабочем общежитии предприятия. Режим жизни был весьма жестким: с утра на завод, сразу после окончания смены — в читальный зал библиотеки ДК им. И. Газа (кстати, не могу не

вспомнить, что именно в этом дворце культуры в конце 1974 года прошла первая из двух легендарных выставок художников-нонконформистов, положившая начало так называемой «Газаневщине»). Затем добирался в университет. На вечернем я отучился два года с небольшим, после чего смог перевестись на дневное отделение.

— **Конечно, тяжело... но проверили себя: «туда ли я иду»?». Хотя, скажем, для Америки, такое движение молодых людей к образованию — нередкость. Потому там получение образования часто растягивается на долгие годы. И так, все же стало легче, можно было сосредоточиться на учебе... в какую сторону здесь Вас потянуло? Какие предметы, преподаватели интересовали Вас?**

— Как оказалось, шел «туда». Когда оказался на дневном отделении, почувствовал большое облегчение: можно было больше не разрываться между заводом и университетом, а полностью посвятить себя учебе. При этом, правда, покидать свой курс на вечернем было немного грустно: у нас учились совершенно замечательные люди, с некоторыми из которых дружим до сих пор. Сложилась и своя компания — круг самых близких друзей. Среди них — Миша Илле, издатель и редактор журнала «Телескоп»; Миша Майор, ныне декан гуманитарного факультета Санкт-Петербургского университета гражданской авиации, заведующий кафедрой; безвременно ушедший из жизни Слава Сухачев, профессор философского факультета СПбГУ.

На дневном я быстро адаптировался. Учиться очень нравилось (да и получалось). Специализация, которую я для себя избрал, сегодня по понятным причинам отсутствует в перечне учебных дисциплин. Это был диалектический материализм и соответственно кафедра с тем же названием. По современным классификациям это, по-видимому, онтология и гносеология, только в то время — в версии марксистско-ленинской теории. Меня очень привлекали философские абстракции. Философские категории, законы диалектики интересовали больше всего. Помню, как захватывали лекции Владимира Иосифовича Свидерского (моего первого научного руководителя), Марии Семеновны Козловой, Виктора Александровича Штоффа, Вячеслава Григорьевича Иванова, Валерия Васильевича Лапицкого, Бориса Васильевича Маркова, Александра Аркадьевича Королькова и других. Да и по другим — кроме диамата — философским дисциплинам и курсам были блестящие преподаватели — Моисей Самойлович Каган, Михаил Иосифович Шахнович, Михаил Антонович Киссель, Иосиф Нусимович Бродский, Юрий Никифорович Солонин, Юрий Валерианович Перов... Список может быть длинным. В процессе учебы интерес постепенно смещался в сторону проблем гносеологии. Дипломная работа называлась «Социальная обусловленность философского познания», писал я ее под научным руководством (правда, скорее, номинальным) Василия Павловича Рожина. Меня увлекала эта тема, писал с удовольствием, и защита прошла очень успешно. Вместе с «красным дипломом» я получил рекомендацию для поступления в аспирантуру по специальности «диалектический материализм» и собирался продолжить названную тему и в кандидатской диссертации. Однако на заседании кафедры, где рассматривались и утверждались темы диссертационных исследований, ту, которую я предложил, назвали «недиссертательной» (помню, по этому поводу среди профессуры даже развернулась дискуссия), и заведующий кафедрой «назначил» — в прямом смысле этого слова — другую. После

заседания я выпросил у лаборантки протокол заседания, чтобы переписать название «своей» темы, поскольку уловить ее на слух было сложно. Она звучала так: «Всеобщее и особенное в структуре диалектических противоречий (на материале противоречий субъективной диалектики)». Интерес к написанию такой диссертации я не испытывал, работать над текстом, честно говоря, было скучно. Но в этой истории для меня был и положительный момент: моим научным руководителем работы был назначен профессор Сергей Григорьевич Шляхтенко. Это был удивительный и очень мужественный человек. Во время войны был танкистом, на поле битвы потерял зрение, был награжден орденом боевого Красного Знамени. Уже будучи незрячим, окончил университет, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, стал профессором философского факультета ЛГУ. Общение с ним, его мудрость, ясность мысли производили на меня глубокое впечатление. Несмотря на тяжелое увечье, Сергей Григорьевич был очень жизнерадостным человеком с отличным чувством юмора. Я приехал к нему домой на Петроградку, и беседы с ним оставили во мне очень светлые воспоминания на всю жизнь.

Так или иначе, в самом конце 1983 года я защитил кандидатскую диссертацию. Вроде дорога мне была определена в вуз, преподавать философию. Однако в институте, от которого у меня была целевая аспирантура, по каким-то причинам не оказалось вакантного места по кафедре философии, и я встал перед необходимостью трудоустройства где-то в ином месте. На этом моя философия закончилась. Началась социология...

— Да, Вам, Николай, повезло, в годы Вашего студенчества, были очень сильные преподаватели... когда я учился в аспирантуре мат-меха, философию нам читал С.Г. Шляхтенко, помню жена приводила его к нам и потом встречала... и работу я писал у него, по моделированию, фактически, по книге В.А. Штоффа, но у него иллюстрации были из истории развития химии, меня же увлекала физика... получил «отлично». А в годы обучения на философском факультете Вам читали социологию?

— Кстати, для кандидатской диссертации, которую я писал у С.Г. Шляхтенко, мне тоже понадобился иллюстративный материал, и это тоже была история химии: разбирал знаменитую дискуссию Ж.-Л. Пруста и К. Бертолле о постоянстве / изменчивости химического состава вещества. Что касается социологии, то, если не считать лекций по историческому материализму, считавшемуся в то время «общесоциологической теорией» марксизма, я прослушал только один курс, имевший прямое отношение к социологии (столь малое количество было связано с тем, что моя специализация в области диамата имела мало пересечений с социологической тематикой). Этот курс читался один семестр и назывался «Методология и процедуры социологического исследования» (т.е. фактически повторял название изданной в 1969 году книги А.Г. Здравомыслова, а для подготовки к сдаче зачета было рекомендовано, как сейчас помню, использовать книгу В.А. Ядова «Социологическое исследование: методология, программа, методы», а также «Рабочую книгу социолога» под редакцией Г.В. Осипова). Лекции читала Г. С. Антипина, работавшая на факультете психологии ЛГУ. Прослушав этот курс и фрагментами почитав рекомендованную литературу, я и получил первые знания о социологических исследованиях. Большее количество социологических дисциплин, по-видимому, читалось на отделении научного коммунизма философского фа-

культета (В.Г. Овсянников, Л.Т. Кривушин, Л.В. Сморгунов и др.), где в конце 70-х даже была открыта (но ненадолго) специализация по социологии. При кафедре научного коммунизма одно время существовала лаборатория социологических исследований, но во время обучения на факультете я никогда не интересовался ее деятельностью. Кажется, лаборатория проводила договорные научно-исследовательские работы на ленинградских предприятиях.

— Все верно, других учебных пособий в те годы еще не было... а как начиналась Ваша социологическая жизнь?

— После окончания целевой аспирантуры я собирался на работу на кафедру философии в вуз. Но в институте, куда я должен был поехать после защиты кандидатской диссертации (это был Пензенский политехнический институт), не оказалось вакантного места, и нужно было другое место работы. Конечно, хотелось остаться в университете, но в то время это было невозможно. Получилось так, что по семейным обстоятельствам пришлось вернуться в Тихвин, где жили родители. Из вузов в городе был только учебный пункт Северо-Западного заочного политехнического института, но единственное место преподавателя марксистско-ленинской философии оказалось занятым. Учитывая профиль образования и наличие ученой степени, мне предложили работу заместителя начальника экономической лаборатории на Тихвинских производствах объединения «Кировский завод». Тогда на предприятиях активно занимались внедрением «новых форм организации труда», (в частности, бригадным подрядом), составлением планов социально-экономического развития, изучение текучести рабочих кадров и т.п. Для этой работы требовался социолог, а я имел, хоть какой-то — пусть и минимальный — запас знаний необходимых для проведения социологических исследований. Завод в то время был одним из крупнейших в Ленинградской области (более 25 тысяч работников), и мог себя позволить содержать структуры, занимавшиеся анализом вопросов социально-экономического развития предприятия. Так я стал заводским социологом, сойдя с вершин философских абстракций в самую гущу реальной жизни большого промышленного предприятия.

Завод не был для меня чем-то совсем чужим: всё-таки в юности я успел освоить рабочую специальность. Но, тем не менее, контраст с университетом был разительным, а главное — нужно было как-то обрести необходимые для новой работы знания и умения. Пришлось заняться самообразованием, которое включало не только штудирование книг по прикладной социологии, но и общение с коллегами, работавшими в области промышленной социологии. Очень важной для меня была возможность консультироваться в социологической лаборатории головного предприятия «Кировского завода» в Ленинграде. Я познакомился с руководителем лаборатории Н.С. Мирошниченко, подружился с Николаем Ядовым, работавшим тогда в бюро социологических исследований той же лаборатории. Общение с ними очень помогало разобраться в новых для меня вопросах заводской социологии, я мог получить от них дельный совет по проведению опросов, обработке и обобщению данных и т.д. Другим источником знаний и информации были семинары, которые проводились Домом научно-технической пропаганды в Ленинграде. Был целый цикл таких семинаров, посвященных вопросам трудовых коллективов, которые вел Владимир Александрович Ядов. Там я его впервые

увидел и услышал. Там же, помню познакомился с А.А. Русалиновой, с которой позднее вместе работал в НИИКСИ и на факультете социологии СПбГУ.

Первое исследование, которое я самостоятельно провел на заводе, было посвящено использованию КТУ (коэффициента трудового участия) в оплате труда рабочих. Это была модная по тем временам тема. Моя большая статья по результатам исследования была опубликована в районной газете. Кроме того, занимался анализом текучести кадров на предприятии, проводил анкетные опросы для формирования разделов плана социально-экономического развития предприятия и т.д. В вопросах текучести кадров моей настольной книгой была работа Бориса Ивановича Максимова на эту тему, написанная на материалах «Кировского завода» (Максимов долгое время возглавлял социологическую лабораторию предприятия). В части социально-экономического планирования завод активно сотрудничал с учеными экономического факультета ЛГУ. Тогда я познакомился с некоторыми своими будущими коллегами по факультету социологии — Б.Р. Яценко, Л.Т. Волчковой, В.Н. Мининой.

В 1985 г. новый генеральный директор — а Тихвинские производства к тому времени были преобразованы в самостоятельный завод «Трансмаш» — принял решение о создании собственной социологической лаборатории, включавшей пять штатных единиц (социологи и психологи), и которую я и возглавил. Лаборатория стала структурным подразделением кадровой службы (тогда на всех предприятиях системы Миноборпрома социологические лаборатории были переданы кадровикам). Это обусловило некоторые изменения в направлениях деятельности: мы стали заниматься тем, что по сегодняшним меркам в значительной степени входит в понятие «работа с персоналом» (тогда такой термин не употреблялся, но именно социологи активно этим занимались): формирование кадрового резерва нижнего и среднего звеньев управления, изучение социально-психологического климата в трудовых коллективах, изучение мнения работников по вопросам организации труда, и т.п. Из видимых результатов могу вспомнить организацию на заводе службы «Внимание», через которую — по телефону или письменно — работник мог обратиться с тем, чтобы указать на какую-то важную проблему или внести предложение что-то изменить, исправить, улучшить. Обращения в службу были самого разного характера — от производственных вопросов до взаимоотношений в коллективе или с начальством. Каждую неделю я докладывал на оперативке у директора о том, какие обращения поступили, кому направлены, что сделано и т.п. Естественно, строго соблюдалась анонимность заявителей (среди обращений бывали и жалобы). Генеральный серьезно относился к этой работе, спрашивал с тех, кому направлялось обращение, и при таком контроле система, в общем, работала довольно эффективно. Помню, по одному из предложений, поступивших через службу «Внимание», у центральной проходной была оборудована большая велосостоянка, и народ стал активно пользоваться велосипедами, чтобы добраться до работы и т.д. Изучали молодых специалистов, прибывших на завод по распределению, на предмет включения в кадровый резерв. При назначении начальников цехов и отделов или их заместителей директор всегда просил представить ему, наряду с объективкой, данные и наших исследований, включавших групповую оценку личности кандидата, результаты психологических тестов и замеров (для этой работы мы привлекали на до-

говорной основе социальных психологов ЛГУ). В общем, много было разной работы. Лаборатория, в которой состоялось мое социологическое «крещение» довольно успешно просуществовала до начала 90-х гг., т.е. уже и после моего ухода с предприятия.

— **Приятно читать... все люди знакомые, приятные, Алла Русалинова, Борис Максимов, Николай Ядов, конечно, В.А. Ядов — участники настоящего проекта. Можно ли понять заключительное предложение Вашего ответа, что в конце 90-х произошло массовое закрытие социологических лабораторий, отделов на заводах? Не стало для них работы? А что сейчас? Есть ли подобные службы на крупных государственных предприятиях?**

— Да, эти лаборатории и отделы действительно прекратили свое существование. Конечно, дело не в том, что работы для них не стало. Просто в условиях развала экономики, сокращения, а то и прекращения производства — кстати, особенно в оборонной промышленности — отсутствия финансирования, общего обнищания стало не до социологии. Естественно, в условиях тотального кризиса и борьбы за выживание под нож в первую очередь шло то, что не относилось непосредственно к производственной сфере. Сейчас? Я ничего не слышал о социологических службах, сегодня существующих где-то на предприятиях. В этой форме индустриальная социология больше не существует. Хотя при этом социологи находят работу в крупных фирмах, компаниях — главным образом в подразделениях, занимающихся маркетингом, работой с персоналом, коммуникациями, пиаром.

— **Где Вы начали работать после ухода из «Трансмаша»?**

— «Трансмаш» я покинул в связи с тем, что получил очень заманчивое предложение. Бывший тогда (1988 г.) директором Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований ЛГУ профессор Асалхан Ользонович Бороноев, которого я знал немного по философскому факультету, пригласил меня на работу в институт. Конечно, я мечтал вернуться в Ленинград, а при этом еще и работать в университете было для меня пределом мечтаний. Решив различные жилищно-бытовые вопросы (понятно, это было весьма непросто), я с женой и дочкой перебрался в Ленинград. Однако поскольку этот переезд занял довольно много времени, место на которое меня приглашали (ученый секретарь института), оказалось уже занятым другим человеком. Тогда А.О. Бороноев предложил мне заняться организацией новой лаборатории — лаборатории этнической социологии и этнической психологии. Я знал, что на философском факультете Асалхан Ользонович занимался этими сюжетами, защитил докторскую диссертацию по проблемам межнациональных отношений, был автором многих работ. Но для меня это была совсем новая область, хотя интерес к этим темам был. Он стимулировался не только соответствующей литературой, но и ситуацией, которая сложилась в этой сфере в конце 80-х гг. В ряде республик вспыхнули межнациональные конфликты — жестокие и кровавые. Это было трудно понять: всем нам казалось, что СССР, скрепленный «дружбой народов» — это на века... В общем, лаборатория была открыта, собрался небольшой коллектив, который занялся исследованиями национальных отношений, прежде всего в Санкт-Петербурге. Провели несколько исследований, организовали хорошую конференцию с изданием сборника трудов, куда пригласили известных специалистов в области этнических и национальных проблем. В этот пе-

риод познакомился с Г.В. Старовойтовой, которая выступала на семинаре в институте, и с которой в дальнейшем неоднократно общался по темам ситуации в Закавказье. Однако завлабом я проработал недолго: после перехода А.О. Бороноева на должность декана-организатора создававшегося в ЛГУ факультета социологии новый директор НИИКСИ — психолог В.П. Трусов — предложил мне стать его заместителем по научной работе. Я согласился. За время этой работы я очень сдружился с коллегами по институту, работал с удовольствием. В это время в НИИКСИ работали многие замечательные ученые — В.Т. Лисовский, В.Е. Семенов, Е.Э. Смирнова, О.К. Крокинская, А.Н. Шаров, А.А. Русалинова, З.В. Сикевич, Р.С. Могилевский и другие. Особо хочу сказать о Ю.Н. Емельянове, знакомство с которым имело для меня очень важное значение. Юрий Николаевич, защитивший в то время докторскую диссертацию по психологии, был человеком энциклопедических знаний, настоящий интеллект. До института он работал на кафедре социальной психологии ЛГУ, был блестящим лектором, одним из первых в стране стал заниматься проведением психологических тренингов, разработал теорию паритетного диалога. В НИИКСИ он возглавлял информационно-библиографический отдел, всегда был в курсе всех книжных и журнальных новинок. Общение с ним не только доставляло огромное удовольствие, но и в прямом смысле образовывало. У нас возникла идея: предложить А.О. Бороноеву, ставшему к тому времени деканом факультета социологии (1989 г.), создать на этом факультете кафедру культурной антропологии и этнической социологии. К социологии, конечно, ближе социальная антропология, но Юрий Николаевич настаивал на культуре как базовом концепте, что имело свои резоны. Через несколько лет при полной поддержке декана эта кафедра появилась на соцфаке. Емельянов был ее первым заведующим, а я доцентом. Однако это произошло позднее, а я в 1991 году снова поменял место работы — был назначен директором Центра гуманитарных исследований и социальных прогнозов ЛГУ (затем — СПбГУ). Центр занимался координацией государственной научно-исследовательской программы «Народы России: возрождение и развитие», научным руководителем которой был директор Республиканского гуманитарного института при СПбГУ, профессор В.Т. Пуляев. В программе участвовали ученые гуманитарных и социальных наук со всей страны — от Калининграда до Владивостока. В тяжелые 90-е годы она обеспечивала — пусть и небольшие — финансовые возможности для научных публикаций, проведения конференций, поддержки научных проектов и т.д.

Программа завершилась в 1994 году, а я, пройдя через конкурсный отбор, поступил работать доцентом на факультет социологии СПбГУ — на кафедру культурной антропологии и этнической социологии. С этого времени и работаю на факультете.

— **Непростой путь, но Вы приобрели большой опыт и в исследованиях, и в организации исследований. Итак, в 1994 году Вы стали работать на факультете социологии, прошло четверть века (!). Именно в 1994 году я уехал на житьё в Америку и примерно на пять лет вообще отключился от социологии, да и почти от России. Переход в новую жизнь был очень сложным. Кто в то время был деканом факультета? Какие курсы Вы стали разрабатывать? Межнациональные отношения оставались (и остаются) очень сложными, какое исследовательское направление Вы избрали для себя?**

— Деканом факультета в то время был профессор А.О. Бороноев. Я стал работать на кафедре культурной антропологии и этнической социологии, и, естественно, курсы, которые я читал, были, главным образом, антропологической направленности. Следует сказать, что Бороноеву, Емельянову и мне удалось, так сказать, «пробить» в министерстве открытие новой для российского образования специальности — «социальная антропология». Она вошла в перечень специальностей, по которым готовились специалисты в российских вузах. На факультете социологии СПбГУ было открыто первое в стране отделение социальной антропологии, на котором готовили специалистов с записью в дипломах «социальный антрополог». Этому примеру последовали и некоторые другие российские университеты. (После перехода от так называемого «специалитета» к двухуровневой системе «бакалавриат — магистратура» и в условиях сокращения числа специальностей «социальная антропология» не попала в перечень направлений подготовки и теперь существует только в форме магистратуры). Среди основных курсов, которые я преподавал, назову «Основы социальной антропологии» и «Межкультурная коммуникация», также вел несколько спецкурсов для студентов названного отделения. В антропологии меня особенно интересовала тема этничности. Я продолжал ею заниматься еще со времен работы в НИИКСИ. В 1995 году мы собрали и издали сборник «Этничность. Национальные движения. Социальная практика», редакторами которого были я и моя коллега из Франции В. Дресслер-Холохан. Авторы сборника представляли разные страны и регионы — от России и Германии до Страны басков и Албании. Получился интересный взгляд на этнические и национальные проблемы в Европе и России. Связи нашего факультета с факультетом социологии Билефельдского университета (Германия) в рамках программы «Tempus Taxis» и финансовая поддержка Германской службы академических обменов (DAAD) давали возможность посещать Билефельдский и другие немецкие университеты, пользоваться замечательными библиотеками, работать над диссертацией и статьями. В 1995 году я стал заведовать кафедрой, на которой работал (ее создатель и первый заведующий Ю.Н. Емельянов ушел из жизни годом позже), а в 1997 году я защитил диссертацию на соискание степени доктора социологических наук на тему «Социальная природа этничности: социологический и социально-антропологический аспекты». Вопросы этничности остаются для меня важным исследовательским и образовательным направлением, в частности, многие годы я читаю для студентов-социологов курс «Проблемы этничности и национализма в социальных науках». Этими проблемами на факультете занимаюсь не я один: на кафедре культурной антропологии и этнической социологии исследования в этой области ведет Зинаида Васильевна Сикевич. До своей безвременной кончины в 2016 г. в этой области активно работал профессор А.И. Куропятник. Темы этничности, национализма, национальной идентичности я продолжил разрабатывать и на новой кафедре, которую создавал и на которой работаю по настоящее время — кафедре сравнительной социологии. В настоящее время проблематика этничности тесно смыкается с темой миграционных процессов, происходящих в нашей стране и мире в целом.

— **Николай, своим ответом Вы вернули меня в далекое и дорогое мне прошлое... прервемся на миг. В конце 1960-х я активно помогал психологам ЛГУ в обработке их информации. В 1970 году на базе со-**

трудничества с И.М. Палеем защитил кандидатскую диссертацию по психологии, и титульным руководителем у меня был Б.Г. Ананьев. Одновременно я взаимодействовал с молодыми тогда сотрудниками Е.С. Кузьмина, он был крупным ученым и интересной личностью. Помню тех, кто сегодня — известные ученые: Виктора Бойко, Игоря Волкова, Анатолия Свенцицкого и, конечно же, Юрия Емельянова. По-моему, он тогда занимался проблемами межличностной коммуникации. Пожалуйста, расскажите о нем как о социологе...

— Юрий Николаевич не был и не считал себя социологом. Он был социальным психологом, известным в первую очередь своими работами в области исследований коммуникативной компетентности личности, он разрабатывал концепции паритетного диалога, транситуационного обучения, занимался теорией и практикой психологического тренинга. Но на факультет социологии его привел интерес к культурной антропологии (он предпочитал называть эту дисциплину культуральной антропологией, или культурантропологией). Эта не была культурная/ социальная антропология в традиционном смысле. Он называл ее рефлексивной культурантропологией и полагая, что ближайшей к ней дисциплиной является социальная психология. Однако последняя изучает индивида преимущественно как члена малых групп, тогда как культурантропология рассматривает человека как часть целого — культуры, понимаемой как образ жизни, присущий тому или иному сообществу. Культура представляет собой совокупность практикуемых данным сообществом основных способов производства и взаимодействия с природой, деятельности социальных институтов, бытующих обычаев и других регулятивов повседневной жизни, ценностей, верований, языка, особенностей поведения и т.д. Культуру Емельянов считал важнейшим и базовым понятием, из которого следует исходить в анализе общественной жизни, социальных и межличностных отношений. Особую ценность культурантропологических исследований он видел в том, что антрополог имеет дело с повседневностью, повседневными взаимодействиями и получает информацию напрямую из межличностной среды, «из первых рук». Главной задачей преподавания этой дисциплины, «интегрирующей практически все источники социогуманитарного знания», Юрий Николаевич видел в том, что она, по его словам, «упорядочивает внутренний мир человека и обогащает его межличностные проявления».

— Мой новый вопрос касается дальнего прошлого, недавнего и сегодняшнего времени. В моем понимании, Ваш факультет родился благодаря усилиям и деятельности нескольких человек, и одна из ключевых ролей принадлежит профессору Василию Яковлевичу Ельмееву. В 2007 году у меня состоялось интервью с ним, нынешним студентам знакома его фамилия? О его исследованиях, взглядах на социологию рассказывается им?

— Да, нынешним студентам знакома его фамилия — хотя бы потому, что в здании, которое занимает сегодня факультет, есть аудитория, названная его именем. Там висит его портрет, на стеклянной витрине выставлены некоторые из его работ. Это дань памяти о Василии Яковлевиче со стороны его коллег и учеников. Они работают на разных кафедрах — прикладной и отраслевой социологии, экономической социологии, социального управления и планирования, социального анализа и математических методов в социологии. Под научным руководством профессора Ельмеева они за-

щищали кандидатские и докторские диссертации. Их не так много и не все из них сегодня придерживаются его взглядов. Василий Яковлевич отстаивал марксистские (даже марксистско-ленинские) взгляды в своем понимании не только социологии, но и общественного развития в целом, и жестко критиковал иные подходы и воззрения. (Помню, как в своей книге о социологическом методе он жестко отреагировал на одну из наших совместных с Ю.Н. Емельяновым статей, поскольку изложенные в ней позиции не были марксистскими. В результате развернулась дискуссия — и письменная, и устная — но все ее участники, естественно остались при своем). Несмотря на неоднозначность оценок его научной деятельности, я хотел бы подчеркнуть, что нельзя забывать о вкладе В.Я. Ельмеева в создание нашего факультета, в его развитие: именно ему мы обязаны тем, что сегодня на соцфаке успешно работают созданные им кафедра прикладной и отраслевой социологии, которой он заведовал в течение пяти лет, и кафедра экономической социологии.

— Приятно слышать, безусловно профессор Ельмеев заслуживает долгой памяти... Вы знаете, между В.Я. Ельмеевым и В.А. Ядовым были очень непростые отношения, но как-то я спросил Ядова, как в целом он оценивает деятельность Ельмеева. «Конечно, положительно» — сказал он — «... ведь Ельмеев создал факультет...».

Николай, может быть, когда-либо мы сможем поговорить о многом, но сейчас, понимая Вашу загруженность деканскими делами, задам несколько вопросов об организации процесса обучения и о сегодняшних студентах. Начнем с первого: мне приходится многое читать и в прессе, и в переписке с коллегами, что в последнее время заметно ослабевает финансирование университетского образования, приходится сокращать часы на разные курсы, делить ставки преподавателей, урезать научные программы. С какими сложностями Вы встречаетесь, как решаете возникающие проблемы, наконец, каким Вам видится ближайшее будущее, скажем — пятилетие?

— Я не думаю, что фраза Ядова о Ельмееве как создателе факультета социологии полностью соответствует действительности. В создании факультета есть заслуга многих людей, и один из них — безусловно, Василий Яковлевич. Но при этом огромную роль в создании и «запуске» соцфака сыграл его первый декан профессор А.О. Бороноев. Также нельзя не сказать о В.Г. Долгове, В.Г. Овсянникове, Р.П. Шпаковой и других, стоявших у «истоков». А раз уж мы вспомнили об отношениях Ельмеева и Ядова, расскажу один эпизод, свидетелем которого я был. Помню, в один из дней в году, наверное, 2005-м, у меня в деканском кабинете неожиданно появился Владимир Александрович. Он приехал в Петербург и зашел на факультет, где в то время училась его внучка Соня. Мы довольно долго сидели, говорили «за жизнь», потом пришли еще несколько моих коллег. Кое-что достали из запасов, понемногу приняли. А меня до этого приглашали зайти на кафедру экономической социологии — кто-то из сотрудников отмечал там свой день рождения. Говорю: «Владимир Александрович, а пойдете на экономсоциологию. Вашему визиту будут рады». «Только — говорю, памятуя о тех самых упомянутых непростых отношениях — там будет Василий Яковлевич Ельмеев». «Да? — спрашивает. — Ну, давай пойдём». Пришли туда. Народ, конечно, обрадовался, увидев знаменитого социолога, а для молодых преподавателей это была во-

обще первая встреча с ним. Подсели к столу — Ядов прямо напротив Ельмеева. Я вначале даже внутренне напрягался, но вижу — нет, ничего. Разговор пошел. Уже не помню, о чем, какие-то дела давно минувших дней. Кто-то предложил налить по рюмке. И тут Ельмеев говорит: «Ну что, Володя, давай выпьем. Что уж теперь...» Чокнулись, выпили. Потом Ядов еще немного посидел с нами, пока за ним не заехали, чтобы отвезти домой, точнее, к Николаю. Вот такая история. Я не думаю, что после этого Ельмеев и Ядов еще когда-нибудь виделись, и если это была их последняя встреча, то, она была вполне мирной.

Что касается вопроса, который Вы задали, скажу, что даже за то время, пока в университете существует наш факультет социологии — а в этом году ему исполнилось 30 лет — утекло много воды. Времена менялись. Очень тяжело было в 90-е: финансирование совсем скудное, фактически только зарплата преподавателей и сотрудников, и та — нищенская. Это было время выживания, когда все вместе делали всё, чтобы пережить трудности, сохранить коллектив. Социологическое образование в России начиналось в таких сложных условиях. Два первых факультета социологии появились в 1989 году в Московском и Ленинградском государственных университетах. Но, несмотря на груз экономических проблем, то время было чрезвычайно интересным, творческим: создавалось новое направление отечественного образования, выстраивался учебный процесс, писались первые учебные пособия по социологии, формировались диссертационные советы по новой научной специальности и т.д. Довольно быстро социология пошла «вширь»: в университетах страны были открыты несколько новых факультетов, десятки кафедр социологии. Подготовка социологов стала массовой. Социология начала восприниматься в общественном сознании как интересная и полезная наука. Думаю, что период «нулевых» и 2010-х годов был весьма благоприятным для развития социологии в системе российского образования. Если говорить о сегодняшнем дне, то ситуацию трудно назвать благополучной, и то, что пишут Вам коллеги, имеет место быть. И сейчас доходы российского преподавателя университета остаются гораздо ниже, чем у его западного коллеги. Но положение дел постепенно меняется: на науку и образование сейчас выделяется несравнимо больше средств, чем это было в начале двухтысячных, не говоря уже о девяностых. Если говорить о моей работе, то отмечу, Санкт-Петербургский университет, как и МГУ, обладает особым статусом: подчинение не министерству образования, а напрямую правительству, работа по собственным образовательным стандартам, присуждение собственных ученых степеней и т.п. И объемы финансирования здесь выше, чем в других университетах (хотя эти «другие» тоже различаются между собой по своему статусу в соответствии с принадлежностью к определенной группе — федеральные, научно-исследовательские, опорные и т.д.). Сегодня зарплата преподавателя в СПбГУ напрямую зависит от его активности, качества преподавания и научной работы. Существуют достаточно широкие возможности для получения грантовой поддержки в российских научных фондах. Понятно, что денег всегда не хватает и всегда хочется побольше. Но, на мой взгляд, сегодняшние наши проблемы связаны не столько с нехваткой финансирования, сколько с управлением образованием в целом. Наблюдается значительная бюрократизация деятельности вузов. Преподаватель имеет дело с огромным количеством бумаг, форм и т.п. Растет управленческий

аппарат, производящий огромное количество документов, распоряжений, указаний. Мы устали от бесконечных реформ и нововведений, многие из которых, мягко говоря, не идут на пользу образовательному процессу. Есть и сравнительно недавно возникшие проблемы. Они связаны с санкциями, введенными западными странами в отношении России. Социология является наукой интернациональной, международная кооперация для нас чрезвычайно важна и абсолютно необходима. Факультет с самого начала своего существования всегда делал ставку на международное сотрудничество и в этом вполне преуспел. Но сегодняшние ограничения сужают круг наших возможностей в работе с зарубежными коллегами из ведущих социологических центров и фондов. Это не способствует развитию. Поэтому, отвечая на Ваш вопрос о ближайшем будущем, отвечаю, что хорошо, если бы в этом будущем наши международные связи и возможности восстановились бы в полном объеме.

— **И следующий вопрос: что Вы можете сказать о Ваших сегодняшних студентах — наших завтрашних коллегам? Чем они отличаются от тех студентов, что были, скажем, на рубеже веков, что были 10 лет назад? Какие тренды в их развитии, в их интересах наблюдаются?**

— Сегодняшние студенты, действительно, отличаются от тех, кто учились на факультете 10-20 лет назад. Я не имею в виду, что они жить (и, кстати, учиться) не могут без своих гаджетов, с утра до вечера погружены в соцсети и т.д. Я о другом. Сейчас очень часто критикуют и ругают введенную в стране с 2009 г. систему Единого государственного экзамена для выпускников школ и поступление в высшие учебные заведения по итогам этого экзамена. Иной раз ругают справедливо (несовершенство тестовой проверки знаний, «натаскивание» на сдачу ЕГЭ и т.п.). Однако, с моей точки зрения, ЕГЭ — это одна из немногих реформ нашего образования, которая имеет действительно положительные результаты. Единый государственный экзамен стал социальным инструментом создания более справедливой системы доступа к получению высшего образования независимо от места проживания молодых людей, стремящихся к учебе в вузе и демонстрирующих высокие достижения в учебе. Страна огромная, условия жизни людей в разных регионах очень отличаются. Талантливому выпускнику школы из отдаленной от столиц территории, из маленького города или села по понятным российским причинам было очень сложно поступить в хороший, престижный университет. ЕГЭ во многом уравнивал шансы молодых людей, создав единый критерий для всех — количество набранных баллов, которое представляется в приемную комиссию. Одним из результатов введения системы ЕГЭ стало то, что по сравнению с 90-ми и началом двухтысячных годов у нас значительно изменилась география поступления на факультет: если раньше большинство абитуриентов и, соответственно, первокурсников составляли выпускники петербургских школ, то теперь абсолютно большую часть наших студентов составляют ребята из других городов и областей. Но главное то, что пришли лучшие — те, кто за школьные годы продемонстрировали свои способности и возможности учиться в ведущем университете. Поэтому, если сравнивать современных студентов с теми, кто учился 10-20 лет назад, могу сказать так: нынешний студент лучше образован, более самостоятелен. Он лучше знает, чего хочет. Он готов к защите своих прав и интересов. При этом он более прагматичен. В образовании он склонен ориен-

тироваться на те знания, которые считает для себя полезными. Таковыми для него являются, как правило, не теоретические дисциплины, а практико-ориентированные, формирующие умения и навыки, обеспечивающие успех в избранной сфере деятельности и благополучие в жизни. Вот такое у меня представление о сегодняшнем студенте.

— И вот, мы завершаем нашу беседу... по моим наблюдениям, социология стала «семейной» профессией, дети, уже и внуки, идут по пути родителей-социологов. Ваша дочь, о которой Вы заметили выше, тоже стала социологом?

— У нас в семье не так. Жена по образованию журналист, окончила наш университет. Сейчас работает в организации «третьего сектора» и занимается развитием гражданского общества. А вот у дочери профессия далека от социологии, она получила профессиональное музыкальное образование: окончила музыкальное училище им. Н.А. Римского-Корсакова по классу виолончели, затем академию музыки в г. Детмольде (Германия) и исполнительскую аспирантуру в Дрезденской филармонии. Сейчас работает в СПбГУ на факультете свободных искусств и наук, занимается менеджментом в сфере культуры.